

Альберт Громов

БАРСКАЯ ЖИЗНЬ

Провинциальный рассказ

Альберт Громов

Барская жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11644027

ISBN 978-5-4474-2179-3

Аннотация

Наследнику русского помещика досталась роскошная усадьба и большие земельные владения, но для полноценной жизни ему не хватает достойной женщины. Молодой барин отправляется по делам в соседнее имение, откуда и начинается его опыт любовных приключений. Второй рассказ называется «Жена помещика Третьюхина», он описывает непростые отношения в семейной жизни соседа по поместью Егора Аристарховича Третьюхина.

Содержание

Барская жизнь	5
Глава 1. Усадьба Ананьиных	5
Глава 2. Вытопанная рожь	7
Глава 3. На хозяйском дворе	12
Глава 4. Профурсетки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Барская жизнь
Провинциальный рассказ
Альберт Громов

© Альберт Громов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Барская жизнь

Глава 1. Усадьба Ананьиных

Стояли июльские жаркие дни. В воздухе держался стойкий аромат разнотравья полевых цветов. Невыносимая жара разогрела почву и дала повод для размножения сотням видам насекомых. Вездесущие кузнечики то замолкали, то вновь стрекотали в траве. Высоко в голубом небе с визгом проносились стрижи. В лесу расплодилось голодное комарье, а в полях хозяйничали слепни кровососы. В овраге мелкого ручья гудели пчелы, там и тут порхали коричневые да желтые бабочки.

Загорелое молодое голое тело с шипением ворвалось в прохладные воды небольшого озерца, чем вызвало беспокойное кряканье камышовых уток и всплески притаившихся шук-карандашей. Молодой человек занырнул, и не успели круги на воде успокоиться, как на середине озера появилась белобрысая голова. Натужно выдыхая и отплеываясь, человек плескался и кружился на месте. Затем, шлепая руками о воду и создавая бурление ногами, купающийся стремительно приблизился обратно к берегу. И вот, наконец, неспешно из воды вышел молодой барин – Павел Витальевич Ананьин. Его мокрое тело моментально стало добычей для кровососущих слепней. Вредные насекомые принялись кусать и заносить свой яд под кожу, это стало причиной возникновением алых волдырей. Барин спешно стал одеваться, подпрыгивая на ногах и прихлопывая себя по рукам, животу и спине. Со стороны эти действия напоминали народный танец с элементами присядки. Барин натянул на ноги полосатые штаны, застегнул брючный ремень, накинул через голову белую хлопчатую рубашу и быстрым шагом, продолжая отмахиваться на ходу, направился в сторону белокаменного особняка с колоннами. Это был семейный дом Ананьиных, представлявший собой каменную двухэтажную постройку начала девятнадцатого века. По центру крыши возвышалась крытая обзорная площадка. Шесть белых круглых колонн придавали фасаду здания величественный вид классической архитектурной формы в стиле Древней Греции. Между колоннами, справа от входа, молодого барина ждал обеденный стол, у которого сустились две женщины.

– Павел Витальевич, прошу вас, присядьте отобедать. Сегодня салат овощной, лапша куриная, тушеная конина с толченой картошкой, квас.

– Все, как я люблю! Маманя, составьте компанию, посидите рядом, – попросил барин свою маму Татьяну Ивановну.

– Невесту вам надо Павел Витальевич, богатую и красивую. Двадцать четвертый год, как не крути на носу.

– Угу, надо. Завтра уезжаю в город, по пути хозяйство проверю. Недавно из деревни Пришлепиха вести пришли, мол, стадо соседских коров поля потоптали, урон посчитать надо. Съезжу проверить.

– Кушайте, кушайте Павел Витальевич. Вашу выходную одежду уже привели в порядок. Полы в доме Машкой намыты. Трава в округе выкошена Васькой-косарем, я ему червонец заплатила за весь сезон, пусть трудится.

– Спасибо, маманя, все правильно, пусть косит и живет с Машкой в пристройке все лето, а еще, попроси его сено убрать в сарай, когда оно подсохнет.

– Попрошу, конечно, попрошу. А вы не беспокойтесь и поезжайте в Ярославль, может, невесту найдете достойную, а нет, так развлечетесь сами, дело то молодое.

Сытно отобедав, молодой человек неспеша направился в беседку переваривать пищу. В деревянной беседке все проемы были затянуты тонкой тканью, натянут гамак, на котором

дождалась открытая книга Гомера. Молодой барин улегся на гамак и стал перечитывать главу Одиссеи. Отдельные отрывки он знал наизусть. Неожиданно, словно дуновение ветра, шторка отодвинулась и у входа появилась Машка.

– А, Машка. Тебе почитать Гомера?

– Нет, я не люблю Гомера, – коротко ответила девушка. – А я яблочки принесла, белый налив. Сюда поднос поставлю, хорошо?

Павел Витальевич вытянул руку в сторону и схватил Машку за подол сарафана. Машка была одной из многих дочек косаря Васьки, которая работала в доме в качестве служанки. Обладая прекрасными округлыми формами тела, густыми, длинными, русыми волосами и доступным поведением, эта нимфетка возбуждала молодого барина каждый раз, когда он оставался с ней наедине.

– Хм, опять пристаёте, Павел Витальевич. А я слышала, вы собираетесь в город. Дела ждут или богатые дамочки?

– Какие еще там дамочки? Я по делам поеду в поместье Третьюхиных. Их стадо поля вытоптало. Нельзя же скотину без надзора держать.

Налетел легкий ветерок и колыхнул материю на беседке. Машка рванулась к выходу и потянула за собой вцепившегося барина, который с грохотом слетел с гамака и упал на пол.

– Ай, яй, яй! Дышать, как трудно дышать! Быстрее спаси меня, Машка! – притворным голосом потерпевшего стонал барин.

– Сейчас, маманю позову!

– Нет, не надо маманю. Пока ты будешь бегать, я умру.

Машка упала на колени рядом с молодым человеком, суетливо принялась гладить его лицо, дуть, понарошку махать руками. Ее длинные золотистые волосы внезапно распустились и упали на румяное лицо Павла Витальевича. Барин обхватил одной рукой за шею Машку, прижал ее к себе, пылко целуя и глядя ее, увлекся и забыл обо всем на свете. Обалдевшая Машка села на лежащего Павла сверху и, податливо выгибаясь, постанывала на выдохе. Ее губы взмокли настолько, что слюна стекала на губы Павла и размазывалась щеками по всему лицу. Павел подтянул подол платья и развязал бантик на штанишках Машки, что сделало ее доступной для плотской любви. Девушка закатила глаза и сильно засопела. Когда пальцы Павла тихонько коснулись низа ее животика, она негромко вскрикнула и вздрогнула. Павел обнял девушку и перекатился. Он быстро сорвал с себя всю одежду, склонился над разгоряченной девицей и, энергично двигая своими бедрами, забылся в порыве любовной страсти. Где-то за домом послышался сиплый голос мамани, она искала Машку. Девушка напряглась и стоная выбралась из под обезумевшего барина. Она вытерла рукавом мокрое лицо, затем быстро привела себя в порядок, игриво взглянула на довольное лицо Павла и выскочила из беседки.

– Павлик, привезите из города мне подарочек, пожалуйста! – Услышал барин Машкины слова, сказанные уже на бегу.

Довольный собой Павел Витальевич поднялся на ноги и улегся на гамак. Вскоре книга вывалилась из рук спящего молодого человека, и громкий храп присоединился к шуму листвы и кузнечиков. Солнечные лучики пробивались сквозь листву столетнего вяза, просвечивая натянутую ткань на беседке, на конек крыши приземлилась певчая птичка, что-то невразумительное просвистев, вспорхнула и улетела. Из травы выскочил полосатый кот. Он подошел к беседке, постоял немного и неспеша пробрался внутрь. Животное немного посидело у гамака, а потом легко запрыгнуло на живот храпящего человека. Храп сразу же прекратился, а кот, помяв живот спящего барина, разлегся на нем.

Глава 2. Вытоптанная рожь

Утро следующего дня выдалось хмурым и дождливым. Погода напомнила осенние дни. Еще вчера светило знойное солнце, весело стрекотали кузнечики, а сегодня низкие кучевые облака и порывистый ветер наводили на уныние и печаль. Смена погоды никак не повлияла на Павла Витальевича и его планы.

– В такую погоду только делами заниматься надо! – Бодро отвечал мамане.

– Драповое пальтишко возьмите, пригодится. Васька встал спозаранку, бричку снаряжил, лошадей запряг. – Хлопотала маманя, вертясь вокруг любимого сына.

– Хорошо, это все хорошо. Поеду и разберусь с этим Третюхиным. Вот я ему скажу, все скажу. Жалеть в словах не буду, он хитер, сам никогда не признается, наверняка будет юлить, скользкий этот гад Третюхин.

– Вы только себя не нервируйте, Павел Витальевич, будьте уверенны и спокойны, слова обдумывайте заранее, чтоб не получилось после стыдиться за сказанное. Ну, с богом, идите.

Вскоре барин выехал по направлению к вытоптаным полям у деревни Пришлепихи. Моросил мелкий дождь. До полей нужно было проехать верст так пять не больше. Павел Витальевич поглядывал то на серые облака над горизонтом, то на лошадиные крупы, вспоминал Машку и рассуждал: «Если бы она была из рода знатных, то я давно бы женился на ней. Она ведь любит меня. Хозяйственная такая, читать и считать может, а образование всегда дать можно, у нее есть желание учиться». Так и решил, что когда вернется, то поговорит с Машкой об учебе. «Ну и пусть, если она найдет себе другого мужчину, то хотя бы образованной будет» – успокаивал себя Павел Витальевич.

Наконец барин натянул поводья и затормозил лошадей. Он спрыгнул со ступеньки на землю и тут же вымазал зеркально начищенные сапоги в липкой грязи. Полуметровая рожь и вправду была протоптана кривыми коридорами, а кое-где и примятая вдобавок. Похоже, стадо коров продвигалось от луговых полей к хлеву без пастуха. Приложив правую руку ко лбу козырьком, внимательно осматривал Павел Витальевич родные просторы и кивал головой, подсчитывая потери. Ущерб был очевиден, нужно было ехать в поместье Третюхиных для предъявления претензии.

Примерно через полчаса лошади привезли бричку с барином во владения Третюхина Егора Аристарховича. Псевдорусский стиль главного дома поместья кардинально отличался от постройки усадьбы Ананьиных. На территории располагались еще два дома с кирпичным первым этажом и деревянным вторым, три одноэтажных бревенчатых барака, видимо, для прислуги. Пять деревянных амбаров виднелись на заднем плане застройки. В деревянных пристройках к домам хранилась полевая техника и располагалась мастерская. Посаженная роща с белыми античными фигурами и бассейном посреди, добавляла помесью признаки заимствованной культуры все той же Древней Греции, но никак не вписывалась в общую картину местности. На входе главного здания показался человек в турецком халате и красной шапочке с кисточкой на голове, это был сам Егор Аристархович. Он стоял спокойно, засунув руки в карманы халата, и просто ждал. Этому человеку пошел пятый десяток, он давно привык к разборкам и ссорам, вот и теперь копил в себе силы для отражения атаки. В его понятии все зависело от стратегии поставленного диалога, нежели чем от эмоционального ругательства. Этому он научился в молодые годы, когда учился военному искусству.

Павел Витальевич вышел из брички, отдал поводья прибежавшему мальчишке и медленными шагами пошел к Третюхину, сдерживая в себе приступы ярости колотящегося сердца. С каждым шагом напряженность возрастала и возрастала. Одно неловкое движение, жест или резкий звук мог бы вызвать необратимую разрядку этого столкновения, что приведет к печальным последствиям. Павел Витальевич подошел близко к Егору Аристархо-

вичу, поднял голову и посмотрел прямо в глаза. Доселе невозмутимый помещик неожиданно изменился. Его лицо смялось до морщин и расплылось в зубастой улыбке.

– Ах, как же давно мы не виделись, голубчик, Павел Витальевич! Вчера только о вас вспоминали и надеялись на скорую встречу! Ну, довольно хмуриться, погода и так нынче не балует. Проходите в дом. У нас тепло и сухо. – Заботливо под локоть провел помещик Третьухин барина в дом.

В доме действительно было тепло и сухо. В большой гостиной камин потрескивал углями. Два кресла стояли напротив камина, на одном из них лежал шотландский плед, что говорило о предыдущем местонахождении Егора Аристарховича.

– Да не дуйтесь вы так, соседushка! Все образумится, вот увидите. Ну-ка занимайте вот это креслице. Мы сейчас все и обсудим. – Помещик так радушно заботился о барине, чем вызвал у него покой и доверие.

– Ой, спасибо! Вы так заботливы со мной, Егор Аристархович, прямо как с ребенком. Я не хотел вас тревожить, так ведь дела такие. Надо что-то предпринять с урожаем... – стал переходить к делу барин и обходить кресло, но хозяин дома сделал вид, будто ничего не услышал.

– Сейчас вынесу молдавское вино. Вы любите вино? Как любит его моя жена! Му-о! Или раке, хотите, а? Чача есть! Ну, говорите скорей, не держите меня в напряжении. Вы знаете, мы с женой нынче в ссоре, уже неделю не разговариваем, поэтому вы, Павел Витальевич, посланы мне свыше. Представляете, неделю молчим и не разговариваем совсем.

– А-а-а, что там у Вас есть, несите все! Попробуем Ваши вина Молдавии и раке тоже. – Совершенно растаял барин и плюхнулся в свободное кресло.

Егор Аристархович вытащил кузовок с запывившимися бутылками, достал одну и откупорил пробку. Не успел барин моргнуть глазами, как в его руке уже оказался хрустальный бокал, в котором дрожал рубиновый напиток. Мужчины звонко чокнулись хрустальными бокалами и замолкли в наслаждении. Коротко обменявшись мнениями, они выпили еще немного вина, так сказать, для закрепления высказанных мнений. Чтобы не оставлять недопитую бутылку, пришлось разлить остатки и закончить с премьерой дегустации.

– А теперь, пойдемте, постреляем, дружище. Вы любите пострелять? У меня есть парочка стрелковых ружьев. Уверен, вам понравится стрелять из них. Идемте быстрее.

Егор Аристархович вскочил и чуть не повалил сервант, но сервант устоял, а Егор Аристархович нет. Он повалился на пол и поднялся только, когда вцепился руками за спинку кресла. Павел Витальевич, опираясь за подлокотники кресел, поспешил на помощь к нему.

– Какое чудесное вино, голова работает, а ноги нет. А стрелять мы пойдем... Я еще не стрелял из Ваших ружьев, – сказал заплетающимся языком барин.

Егор Аристархович преодолел силу земного тяготения и поднялся на ноги. Опираясь руками за стены, он добрался до оружейного шкафа, из которого достал ружья с патронами.

– Все готово! Идем во двор! За мной, вперед, ура-а-а!

Пьяные господа без уличной обуви в одних тапках вывалились во двор. Они дошли до поляны, где на противоположной стороне заранее их поджидали мишени, установленные на длинных шестах в виде летящих уток. За кустиком виднелась стайка диких кабанов, а ближе к посадке стояли конные всадники и пешие солдаты в полный рост. На правах хозяина Егор Аристархович зарядил оба ружья и одно из них вручил барину. Импровизированные охотники залегли в траве.

– Ваша та, что из-за кустов вспорхнула, на без четверти два. Видите? Ага! Ш-ш-ш. Только тихо. Я целюсь в другую, которая взлетела на двенадцать часов. Вон там, видите? – Шептал Егор Аристархович прямо в ухо барину так, будто они и впрямь были на охоте.

Раздались два выстрела. В ушах зазвенело от резкого хлопка. Сизый дым от пороха окутал охотников. Когда ветер развеял дым, охотники увидели, что уток на своих местах

нет. Довольные метким попаданием они заново зарядили ружья и принялись стрелять по деревянным кабанам. Кабаны легли не сразу. Павел Витальевич сбил крепкую мишень с третьего выстрела, а Егор Аристархович с пятого. Затем охотники вообразили себя на войне и из позиции стоя стали стрелять в вооруженных пехотинцев и кавалеристов. Мишени не падали, хотя дыры от пуль виднелись даже издалека. Тогда с криками «За Россию! За Царя!» мужчины бросились на мишени врукопашную и уложили противников на землю. Наконец, довольные от удачного развлечения, они вскинули ружья на плечи и побрели обратно в дом.

– А давайте, дорогой, в баньку отправимся! У меня парилка, ух какая. Стены из кедра, камушки новехонькие, идемте же. – Не унимался гостеприимный хозяин.

– Эй, Игорек, ну где ты сидишь? Организуй нам срочно баньку. – Позвал Егор Аристархович банщика.

Игорек появился моментально, словно вылез из под земли.

– Да, готова банька то, разогретая стоит. Я как гостя увидал, так сразу все понял, – отвечал басистым голосом Игорек и шустро выполнял указания хозяина.

Вскоре господа парились в бане и похлестывали друг друга вениками. Можжевельные, дубовые, березовые веники лежали в кадках с теплой водой, а новые висели в предбаннике и благоухали свежестью листвы. Баня оказалась большой и светлой. Гладкие доски из свежей древесины, белая печь, удобные лавки, все отличалось опрятностью и чистотой. На стенах висели шапочки из войлока, новые полотенца и простыни. Банный процесс – дело затяжное, поэтому парились до пяти раз. После каждого выхода из парилки господа выскакивали наружу и ныряли нагишом в пруд.

– Ах, хорошо то как, просто жить хочется, не так ли Павел Витальевич?!

– Э-э-т точно, спасибо вам Егор Аристархович, и впрямь, легче стало!

Голова после бани протрезвела, но совершенно не болела. Покрывшиеся леопардовыми пятнами от термического воздействия мужчины чувствовали себя раскованно и весело. Песни сами лились из души. Игорек подхватил господ, и подпевая им, провел в дом.

– Давайте теперь распробуем раке. Предлагаю тост, за нашу дружбу! – Уже разливал Егор Аристархович по небольшим турецким вазочкам мутный напиток.

– За подбитую дичь! Кстати, а где же эти утки? – Толкал тост Павел Витальевич и одновременно уточнял про закуску.

– С легким паром! – Прозвучал новый тост от Егора Аристарховича. – Лялька, закусь неси!

В один подход вазочки были опустошены. Пока господа задирали головы кверху для заглатывания напитка, на столе неожиданно появилась закуска. Девушка Лялька незаметно накрыла на стол скатерть и поставила тарелки с закуской. Холодец из говядины, салат из свежих овощей на семечковом масле, студень из свинины с петрушкой был съеден мгновенно, следом со стола уходила в животы квашеная капуста, жареная картошечка, помидорчики, огурчики. Заботливый хозяин откупорил бутылку белого полусладкого вина и налил в чистые бокалы доверху.

– Дорогой мой, Павел Витальевич, должен вам признаться, что я виноват перед Вами и готов исправиться. Вы меня просто спасли, правда-правда. Не перебивайте меня. Именно спасли. Я ведь думал, что Вы приедете ругать меня, морду бить, а Вы такой порядочный господин, человек, вот. Не задолго до кончины папенька Ваш был у меня в гостях. Он был очень хорошим человеком. И Вы весь в него. Правда.

– Да, признаться и я думал о Вас плохо. Приеду, думаю, а Вы мне на дверь укажете, мол, убирайся вон, пока цел.

– Не-е-е. Все не так. Дорогой мой, не печальтесь за свой урожай, я все компенсирую, хотите деньгами, хотите натурой отдам, помогу по осени, как скажите. Угу? Вы меня уважаете?

– Вас, уважаю! Вы благородный человек. Да, господин своего слова! Наливайте еще, выпьем за нас!

– За уважаемых людей!

Бутылка белого вина быстро закончилась. Господа, чувствуя нужду, отправились в уборную. Павел Витальевич шел за хозяином по бесконечным коридорам, лестницам, комнатам, пока вдруг не увидел перед собой спину довольно красивой женщины в красном облегающем атласном платье с низким вырезом на спине в туфлях с длинными каблуками. Она настолько быстро вышла в коридор из комнаты, что оказалась между мужчинами. Егор Аристархович, напевая военный марш, уже успел завернуть за угол, а Павлу Витальевичу мешала пройти эта милая особа с длинными каштановыми волосами. Она повернулась, оперлась одной рукой о стену, а другой в свое бедро, один ее глаз был скрыт под нависшими на лицо локонами.

– Тише, я хотела бы с вами кое о чем поговорить. Не зайдете на пару минут сюда. – Ее низкий и нежный голос подкупал своей доступностью.

– Я, вообще-то, шел в туда, но раз вы просите, то можно и поменять свои планы. – Пролепетал Павел Витальевич, словно попал под гипнотическое воздействие.

– Ну, конечно, идите, но на обратном пути я вас очень жду. – Таким же таинственным голосом сказала женщина и вложила свой розовый платочек Павлу Витальевичу глубоко в карман брюк таким образом, что задержавшаяся ненадолго ее рука в глубине кармана успела совершить ощупывающие движения.

Павел Витальевич дошел до уборной, не встретив в ней никого. Он сделал свои дела, потоптался на месте у зеркала и пошел обратно. Проходя, мимо одной из открытых комнат, он увидел спящего Егора Аристарховича. Он лежал с задранными ногами на спинке дивана и сильно храпел. Это показалось обидно – оставлять гостя в чужом доме совершенно одного и без внимания, поэтому барин направился туда, где его ждала симпатичная особа, очевидно приходящаяся супругой Егора Аристарховича.

Разговор с женщиной оказался коротким. Она просто хотела мужчину. Павел Витальевич был молод, силен, энергичен, вынослив, как конь, в отличие от Егора Аристарховича, а это и надо было для возбуждения страстного аппетита у его жены. Женщина, давно не получавшая своей порции ласки, готова была на любые безумные поступки, чтобы отомстить мужу и получить долгожданные удовольствия. Молодой барин не сопротивлялся ни в чем, он охотно принимал все ее постельные правила, терпел и за это получал ожидаемое удовольствие. Жена Третьюхина оказалась ненасытной сексуальной извращенкой. Когда молодой человек разорвал на ней платье, она вылила на себя флакон оливкового масла с духами и растерла по себе. Ее красивое тело стало блестящим и скользким. Павел Витальевич сорвался и потерял над собой какой-либо контроль. Женщина вытворяла такие театральные эротические постановки, каких раньше молодому человеку не доводилось видеть. Очевидно, скрывался опыт работы в борделях, куда молодому человеку не приходилось заходить раньше. После многочисленных удовлетворений, окончательно утомив теперь и жену помещика до глубокого сна, барин на цыпочках вышел из ее комнаты со своими вещами в руках. Посетил еще раз уборную, где оделся и вернулся в гостиную. Здесь он взял с кресла клетчатый шотландский плед, прилег на кожаный диван и сам крепко уснул напротив потрескивающего камина.

Утром Павла Витальевича разбудил голос Егора Аристарховича, который сидел на полу у дивана и тихонько жаловался на свою бесовку жену.

– Она меня совсем не любит. Понимаете? Игнорирует мое присутствие, не пускает в свою комнату, а ведь она все еще моя жена, перед богом клялась, чертова проститутка. И зачем я ее из дерьма вытащил? Простите, соблазнился...

– Да не печальтесь Вы так, – стал успокаивал его барин, – все образуется, сейчас вот соскучитесь, друг по другу, и вновь будет мир и согласие.

– Вот, держите дружище деньги, я не хочу быть перед вами в долгу. Это пятьсот рублей за ущерб. Этого хватит?

– Ну, конечно хватит, дружище.

– И еще, теперь мы с вами друзья, ну там на полевых работах коли чего нужно, приходите, обязательно помогу. – Стоя на коленях у дивана продолжал помещик.

– Встаньте же с коленей Егор Аристархович, Вы ставите меня в неравное положение. Увы, я сегодня покину Вас, попросите, пожалуйста, запрячь лошадей.

– Пойдемте, позавтракаем, а потом отправляйтесь в путь. А то оставайтесь настолько, сколько захотите. У меня есть чем заняться. Салют, например. Цыганей хотите шумных? Ай-на-не, на-не, на-не! Мы еще на рыбалку не ходили... А у меня в пруду такие карпы водятся! – Третюхин рубанул ребром ладони по локтю.

Голова гудела после вчерашней пьянки, поэтому застольные сто или двести граммов крепкой чачи пришлись, как нельзя кстати. Сытого и пьяного Павла Витальевича слуги погрузили в бричку, а Егор Аристархович расцеловал напоследок его в десна. Лошади тронулись и покатали бричку с молодым барином в сторону города Ярославля.

Глава 3. На хозяйском дворе

Стоял пасмурный летний день. После утреннего ливня земля пропиталась водой, дороги развезло. На постоянный двор заехала крытая бричка, запряженная двумя лошадьми. Куры и гуси бросились в стороны, уступая место гостю. Из открывшейся дверцы показались начищенные яловые сапоги, в которые были заправлены полосатые штаны. Баба с корзиной грязной картошки остановилась, чтобы поклониться почтенному гостю. Из сарая вышли два волосатых, бородатых мужика по пояс раздетые. Они тоже нагнулись в поклоне, но по очереди время от времени поглядывали на вылезающего нежданного гостя исподлобья. Неспешно, вслед за полосатыми штанами из брички вылезло темно-коричневое драповое пальто и серьезная белобрысая голова владельца всего этого гардероба.

Барин – Павел Витальевич показательно достал из кармана розовый носовой платочек и громко, протяженно хрюкая, высморкался. В это время мимо проходил полуглухой кузнец Семен. Он согнулся в поклоне и пятился в ту сторону, куда направлялся по делу. Сморгание ему показалось похожим на выход газов у лошадей, и он громко прокомментировал.

– О, как перданула, ага. Кормят лошадей в чужих краях, ага, чем попада. Совсем скотину не жалеют. Ага, не жалеют. – Кузнец явно шутил, но сквозь эту шутку в голосе чувствовалась душевная забота о животных.

Павлу Витальевичу стало стыдно, что его поступок приняли за естественную нужду лошадей. Он только что приехал из общества культурных господ, поэтому еще не привык к деревенской простоте. Барин скомкал платок в кулак и спрятал в карман.

– Эй, кузнец! Куда пошел? А ну подь сюда! Давай, давай иди сюда! – Крикнул удаляющемуся кузнецу барин.

– А, че, ага, надо? Подковать или тележку починить, ага? – Громко расспрашивал кузнец.

– Вот эта хромает, почем мне знать почему. – Барин указал на одну из лошадей. – Давай, посмотри, а потом скажешь, что да сколько.

Кузнец занялся делом. Он стал осматривать копыта указанной лошади и обнаружил отсутствие одной подковы. Хоть его и не просили, но он осмотрел и другую лошадь, но ничего опасного не обнаружил.

– Ага! Подковать энту надо. – Громко в лицо барину отпартовал кузнец, показывая грязным пальцем в сторону хромой лошади.

– Да не ори ты мне в ухо, я то не глухой! – отругал кузнеца барин. – Сколько тебе времени надо, чтобы подковать?

– А, ага понятно дело. Подковать то надо! – Продолжал очень громко говорить глухой кузнец.

– Да, объясните же этому балвану, что я говорю! – обратился барин к другим постояльцам двора.

– На тебе монету и давай делай! Понятно? – Барин положил в руку кузнеца пять копеек.

– Ага, надо так надо, сейчас начнем. Ага, дело надо делать. Что тут непонятного? Сейчас же и начнем, ага.

Кузнец принялся разбирать сбрую на лошади и продолжал чего-то бормотать про себя. Ему на помощь подошли те самые два волосатых мужика и дело пошло быстрее. Тем временем барин внимательно осмотрел двор и, высмотрев более аккуратный и чистый дом, направился уверенной походкой к нему. По пути к дому пришлось перепрыгнуть через грязную лужу. Во время прыжка барин, теперь уже по-настоящему громко выпустил наружу кишечные газы и огляделся. Сам не понимая, зачем остановился, сделал вид, что нужно

перекреститься, буркнул себе под нос: «Стыдно, не гоже это мне при людях позориться. Ох, нажрался я дряни, теперь пучить будет, укропу бы надо спросить».

– Э, народ, где тут уборная у вас? – крикнул барин, держась за живот.

Молоденькая девка с босыми ногами выглянула из свинарника и молча провела барина на задний двор, где был сарайчик с дверцей. В дверце умелыми руками, кто-то из местных умельцев вырезал сердечко. Это очень понравилось барину. Он отпустил девку прочь, а сам заперся в уборной.

Прошло, примерно полчаса или час. Кузнец вышел с подкованной лошадей из сарая и вместе с мужиками принялся снаряжать лошадь в упряжку брички.

– А кто барина видел? Надо бы доложить ему о работе. – Спросил один из волосатых мужиков.

– Да, пес его знает, где он. В доме, знать, сидит, чай гоняет. – Ответил другой волосатый мужик.

– Ага, дело сделано. Можно доложить барину, ага, уже можно. – Громко сказал кузнец и закончил снаряжать свою часть упряжи.

– Нюрка! Где барина дели? Доложиться надо. – Позвал один из мужиков свинарнику Нюрку.

Дверь скотного сарая скрипнула, из нее выскочила босоногая Нюрка и молча побежала на задний двор. Нюрка говорила плохо, так как язык в детстве повредила, приморозив его о железные кольца. Вдруг, она заорала так, что в деревне собаки залаяли, и принялась махать руками, подзывать всех на помощь. Оказалось, барин провалился в очко нужника задом, застрял между досками так, что не вылезти не на помощь позвать, так и сидел все это время в ожидании.

– Несчастье, какое! Живой хоть. Живехонький. Несите его сюда. Нюрка, щелок тащи, или мыло, если есть, и тряпки какие-нибудь неси. – На дворе появился новый персонаж – старик с клюкой Прокопыч, который сразу взял ситуацию под свой контроль.

Неожиданно, Павлу Витальевичу стало худо, его стошнило. Горькая масса испачкала коричневое пальто и сапоги. Он сам весь побледнел и осунулся. Больше не стесняясь своего положения барин стал жалким и немощным. Мужики и бабы, собравшиеся вокруг, хлопотали с грязной одеждой и причитали.

– Надо же такому у нас случиться. Ведь, не где-нибудь, а у нас. Ну, ничего. Все будет хорошо! Ушибов и ссадин нет. Живой барин. Живой! Малость грязноват, ну это ничего, мы здесь все такие, даже хуже.

– Спасибо, добрые люди. Не бросили. Одежду только жалко, заграничный драп был и сапога одного нет. Потерялся по пути сюда. – Глядя в лица селян говорил барин.

Тут прибежал мальчишка с грязным сапогом. Сапог взял за голенище Прокопыч, посмотрел на него и передал по пояс голому, бородатому мужику. Мужик подержал его, пальцами счистил с него нечистоты, а потом вытер сапог об свои штаны и передал другому мужику волосатому. Этот плюнул на сапог, растер до блеска локтем и вернул обратно старику.

– Вот и сапог нашелся. Целехонький, начищенный, прям как с прилавка. – Расплывшись в отцовской улыбке предложил сапог полураздетому барину. Нюрка опустилась на колени и принялась надевать сапог на ногу барину.

Тем временем бабы раздели барина и стали хлопотать с грязной одеждой. Ее сначала замочили в корыте, а потом прополоскать в пруду. Барина, одетого в чужую нательную рубаху и кальсоны, но в своих сапогах усадили в доме за стол. Для начала дали чаю морковного с полынью. В дом к столу пришли оба мужика со двора, но уже одетые в чистые рубахи и кузнец. Они достали свои деревянные ложки из штанов и положили их на стол

перед собой. Бабы шуршали по избе и готовили хавчик. Последним подошел сухощавый маленький старикан с клюкой и сел во главе стола.

– Ну, жратва будет ли или как, спрашиваю? – Возмутился Прокопыч и застучал ложкой об стол. Это он сделал скорее для подчеркивания своего статуса старосты и выражения общего мнения мужиков, нежели просто хотел есть.

В ту же минуту вокруг стола зажужжали четыре разновозрастные женщины. Они ловко накрыли на стол скатерть поверх лежащих ложек, поставили по центру чугунный горшок с похлебкой, а напротив каждого сидящего деревянную миску. Мужики полезли под скатерть доставать свои ложки. Тут старик опять стал возмущаться и кулаком по столу стучать.

– Ну, мать твою, на сухую что ли? Этакий гость у нас, а ты, твою мать, жабу давишь! – Грозно покрикивал старик на копошащихся баб, которые дополнительно на стол поставили деревянные кружки и налили в них ароматную жидкость из бочонка. Старикан поднял свою кружку и сказал.

– Вот, значит. Собрались мы тут неспроста. Гость у нас большой. Соизволил в наши края наведаться, в толчке посидеть, а это примета хорошая. Значит, за гостя!

И все выпили. Медовуха оказалась обалденная. Павел Витальевич тоже выпил медовуху до последней капельки, хоть и кружка оказалась литровая. Пить пришлось долго, так как обижать барин никого не хотел.

– Молодцы, мужики. Знатную медовуху делаете. В дорогу мне бочонок подготовьте. В Ярославль еду, надо этот напиток на выставке показать. А потом, если распробуют господа, то много медовухи понадобится. Понятно говорю? Озолочу!

– Да, да. Точно. На продажу заготовить надо. Дело говорит барин. На продажу, вот! Голова светлая! О, как, понимаете?! Ну, наливай. Че сидим? – загудели мужики.

После обсуждения сказанного все набросились с ложками на горшок со щами. Мужик, что сидел слева от барина, позаботился и положил в его миску достаточно густых щей и куски мяса. Народ ложками колотил по мискам и с удовольствием чавкал.

– Мать! Давай, еще разливай! Душа просит слово сказать, – не унимался расщедрившийся старик пьяным голосом. – Эко, хорошо, что ты барин к нам попал. Повезло. И нам тоже повезло. Хорошему человеку всегда и везде везет.

Вновь по кружкам разлили медовуху. Горшок со стола убрали, а вместо него поставили миску с маринованной капустой и огурцами. В капусте виднелись ягоды клюквы.

– Ну, так, вот, значит. Что это я хотел сказать вам всем. Оставайся, барин, у нас на дворе столько, сколько душе угодно. Бочонок уже ждет тебя. А ну, давай, выпьем за нашего гостя!

Второй литр вливался уже не так быстро. Мужики руками брали капусту и огурцы из миски и засовывали ее в рты. У печки на длинной лавке, сидели и жевали женщины. Поедание проходило молча, пока громкий удар кулаком по столу не прервал трапезу. Это старикан, чего-то опять удумал сказать и заплетающимся языком стал выкрикивать новые распоряжения.

– Барину хорошо постелить у печи и не мешать. Пусть спит до завтра сколько душе угодно. Понятно всем? – С этими словами он обратился к сидящим женщинам.

Пьяного барина вытащили из-за стола и уложили спать на заготовленное место.

Рано утром Павел Витальевич проснулся отдохнувший и полный сил. Даже голова не болела, несмотря на выпитые два литра медовухи. Он наспех перекусил, оделся в свою выстиранную одежду, натянул помятое драповое пальто и просил запрягать лошадей. В знак расплаты за гостеприимство оставил на столе горсть монет. Старик сдержал слово и отдал пятилитровый бочонок с медовухой для дегустации. Павел Витальевич пообещал договориться о торговле напитком и потом известить старосту Прокопыча. Когда бричка была готова, то попрощался и убыл. Его провожали всем двором и даже вышли за ворота, а Нюрка в подарок получила розовый носовой платочек и всем своим видом была безумно счастлива.

Глава 4. Профурсетки

Ехал барин по грунтовой дороге вдоль бескрайних хозяйственных полей. Погода стояла теплая, птички поют, насекомые летают, солнышко вышло из-за туч и стало припекать. Картофельная ботва зеленеет справа, морковная слева, рожь справа, овес слева, только две коричневые колеи дорог неизменно разделили уголья напополам. Едет и любитесь ровными грядками, да колосющимися нивами, изредка напрягается, чтобы доходы за проданный урожай в уме прикинуть. Тут, слышит, а позади его одноконный экипаж мчится, пыль гонит и довольно быстро настигает. Принял барин вправо, приостановился, пропустить надо спешащих людей, да и нарываться на грубость настроение не то. Не сбавляя скорости, проносится мимо этот экипаж, а на козлах кучер ямской сидит, люто поглядел из-под черных бровей, потом бородатый подбородок вверх поднял и гордо вперед уставился. Облако пыли накрыло барина и его бричку, аж в горле запершило, и прямо до кашля, еще и расчихался вдобавок. А чему тут удивляться, дорога то общая, города крупные соединяет, вот и гоняют туда-сюда пассажирские да груженные тележки. Все бы и ничего, да только мусор на ходу выбрасывают, на обочине чего только не сыщешь, а это уже возмутительно.

Не проехал тот экипаж и сотни метров, как подскочил на колейном выступе, круто наклонился, поднял клубок пыли и на обочину завалился. Лошадь сразу остановилась, нервно заржала и на месте топтаться. Барин припустил своих лошадей, а при подъезде, не дожидаясь остановки, на ходу выскочил и на помощь бросился. Кучера сразу не увидел, забрался в экипаж, а там только вещи. Когда выбрался наружу, видит во ржи лежат две молодые барышни в нарядных светлых платьях. Лежат на спинах, руками и ногами в воздухе крутят, словно жуки перевернутые лапками шевелят, а встать не могут. Поспешил барин к ним, чтобы поднять на ноги. Стал он одну поднимать за подмышки, а она ругаться вздумала.

– Да, как ты смеешь тискать меня своими грязными лапами? Отойди, смерд!

– Да, отойди от нее и подойди ко мне лучше. – Говорит другая барышня.

Барин оставил первую лежать дальше на земле и подошел ко второй. Принялся теперь ее поднимать тем же способом. А она ничего не возразила против тисканья, зато по другому поводу придралась.

– Фу, как прет от тебя, ты что, в дерьме вымазан? Гадость какая. Меня сейчас стошнит. – С явным отвращением закрыла ладонями лодочкой нос и рот и отвернулась в сторону.

– Как ты смеешь ко мне задницей поворачиваться? Неотесанный мужлан! Я долго тут лежать буду? – Возмущалась первая барышня.

Эта особа была одета в голубое кружевное длинное платье. Длинные, волнистые, желтые волосы составляли ее неотъемлемый образ молодой модницы. Она заметно обладала стройной фигурой и игривым нравом. Казалось, что она играла всем, что попадалось в поле ее взора, рук, ног, языка. Взгляд ее не мог фиксироваться более мига на одном, игра интонации голоса менялась в каждом звуке, во всем чувствовалась ветреность и легкость. Находясь в таком состоянии суеты, похоже, она сама не владела собой, от чего, возможно, иногда даже страдала.

Барин вновь бросился к первой и теперь уже помог ей встать. Когда она устойчиво приняла вертикальное положение, то тоже начала возмущаться.

– Да, и впрямь дерьмом несет, фу, фу, какая гадость... Не прикасайся больше ко мне, насильник, или я буду звать на помощь.

– Зовите, кого хотите, только в поле кроме птичек вас никто не услышит. – Желая остепенить неприступных дамочек, заявил барин и добавил.

– Простите. Позвольте мне представиться – Павел Витальевич Ананьин, а это все мои посевные земли. Вот, объезд совершаю собственно, для оценки доходов и затрат.

– Оль, ты слышала? А барин то культурный попался, земли свои объезжает, – обратила на себя внимание вторая, и принялась поправлять свой внешний вид.

– Вот это белокурое создание величается Ольгой Андреевной, а меня зовите Елизаветой Аркадьевной. Вам понятно?!

Вторая фифа представляла собой брюнетку с прямыми волосами, в нежно-розовом длинном платье с откровенно большим бюстом, нагло торчащим из декольте и широкими бедрами. Ее располагающее к общению лицо было обильно разукрашено макияжем, хотя и без него она смотрелась бы не хуже. В манере держаться она превосходила свою подружку и могла достойно вести разговоры на различные темы.

– Отвернитесь, Павел Витальевич. Нам туалет поправить нужно. Не можем же мы пред вами в таком виде далее находиться.

– Нам надо прихорошиться, – засмеялась Ольга Андреевна.

– Я это! Отойду недалеко, лошадей посмотрю. Бричку подгоню и обязательно вернусь. Слышите? Обязательно вернусь, не волнуйтесь только, – засмущался барин перед двумя смазливymi девушками неизвестного происхождения.

Обойдя опрокинутый экипаж барин, увидел, что его бричку лошади укатали далеко. Он добежал до стоящей одиноко лошади и вернулся к своей бричке, чтобы привязать уздцы к раме и вернулся к девушкам. Затем он вспомнил про лихого кучера и принялся его искать. Кучер нашелся не сразу. Он лежал далеко во ржи, без сознания. Чернявая лысоватая голова была разбита, кровь вымазала часть лица, бороды и уже спечься вместе с пылью. Он лежал на левом боку в неудобной позе будто был мертв. Барин немного постоял в нерешительности перед ним, а потом присел, положил два пальца на шею и почувствовал, как бьется пульс, а потом потербил кучера за плечо.

– Эй. очнись, что ли. Просыпайся мужик. Давай же. Просыпайся уже.

– Оставьте этого дурака. Так ему и надо. Чуть нас не убил, скотина такая. – За спиной послышался голос одной из девиц.

– Как же можно оставить его здесь. Ему ведь помощь нужна медицинская. – Возразил барин и принялся тащить расслабленного кучера в бричку.

– Я с мертвецом в одной бричке не поеду, – стала возмущаться Ольга Андреевна, а ей принялась поддакивать Елизавета Аркадьевна.

Деваться некуда, места мало и четвертый пассажир будет точно лишним. Тогда барин перетащил полумертвого кучера в опрокинутый экипаж. Вытащил все личные вещи девиц и сложил в бричку. Благо их было немного.

– Прошу вас, барышни, занимайте места, надо поторапливаться. Буду в городе, попрошу за кучером подмогу прислать. Езды еще до города два часа. Успеем только к вечеру. – Пригласил барин девиц в бричку, и они молча поехали дальше.

По пути Елизавета Аркадьевна достала туалетную воду и незаметно побрызгала на пальто барину, когда тот задремал. Девушки переглянулись и весело захихикали. Так они переглядывались всегда, по каждому случаю и просто так. В этих переглядках скрывалось нечто большее, чем обмен эмоциями между подружками. Такое поведение было обязательной частью разговора и взаимопонимания. Павел Витальевич косо поглядывал на девушек и тоже ухмылялся. Он был молод и холост, поэтому девушки представляли для него живой интерес. Перед приближением к городу барин ненавязчиво завел беседу. Поинтересовался местом проживания, социальным положением дамочек, их фамилиями, кругом знакомств. Оказалось, что между ними небольшая разница в возрасте, есть общие знакомые, помещики и другие знатные люди города, чиновники. Барин особо не расспрашивал о связях с этими людьми, полагая, что это само-собой разумеется. Оно и так видно – молодые девушки находятся в поисках богатых женихов. Так и должно быть: балы, вечера, рестораны и все такое, чтобы не стыдно было вспомнить золотые годы молодости. Перед отъездом из усадьбы

молодой барин не соби́рался в город ехать обязательно, но обстоятельства с медовухой вынудили поступиться своими планами, да тут еще и случай такой подвернулся оказать помощь молодым дамочкам, попавшим в беду, ну, не геройский ли это поступок. В городе у барина жили родственники, у которых можно было отужинать и заночевать. Но вначале он отвезет барышень к указанному дому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.